

Что мешает участию научной диаспоры в возрождении российской науки?

*Максим Франк-Каменецкий
Бостонский университет, США*

Предварительная дискуссия на Facebook показала, что при рассмотрении вопроса с самого начала следует разделить всю науку на две неравные части: «дешевую» науку и «дорогую» науку. К первой категории относятся все гуманитарные науки, математика, теорфизика и теоретическая астрономия. В этих областях уже ведется активное взаимодействие между метрополией и диаспорой, и дальнейшая интеграция российской науки в мировую возможна даже и без участия государства, на основе поддержки такой интеграции богатыми филантропами. Здесь есть интересные идеи, о которых лучше расскажут представители этих наук. Отсутствие необходимости иметь дело с госструктурами делает эту задачу вполне разрешимой и не создает серьезных морально-этических проблем для представителей научной диаспоры.

Гораздо проблематичнее интеграция в мировое сообщество дорогих наук, к которым относятся экспериментальная физика и химия и, самое главное, биомедицина. Сюда же относятся все виды новых технологий, прежде всего нанотехнологии. Интеграция этих разделов науки и инженерии в мировое сообщество при поддержке только со стороны филантропов неосуществима – слишком дорого. Следует подчеркнуть, что отсутствие ясного понимания того, что существуют дешевые и дорогие науки, а также совершенно гипертрофированное внимание к дешевым наукам (прежде всего к математике) типично не только для руководства РАН, но и для правительственных чиновников. Яркой демонстрацией такого абсолютно неадекватного подхода является недавнее постановление правительства о крупных грантах на создание исследовательских лабораторий при университетах. Надо ясно отдавать себе отчет в том, что в общей структуре науки развитых стран дешевые науки составляют ничтожно малую часть. Именно о том, какие препятствия стоят на пути возрождения, а на самом деле создания заново, дорогой науки и инженерии, которая не может развиваться без поддержки государства, и пойдет речь.

Здесь возникает целый клубок сложнейших проблем для представителей научной диаспоры и для их взаимодействия с метрополией (эти проблемы, насколько я могу судить, отсутствуют или далеко не так остры в области дешевых наук). Эти проблемы особенно осложняются следующим обстоятельством, которое я считаю центральным для понимания возникающих трудностей. Дело в том, что, возможно впервые в истории диаспор со времени изгнания иудеев из Святой земли римлянами после разрушения Второго храма и последовавшего затем восстания Бар-Кохбы, кумулятивная мощь российской научной диаспоры просто НЕСОПОСТАВИМА с таковой для метрополии. Я думаю, что это утверждение справедливо для любой области, включая и дешевые науки, но оно совершенно точно справедливо для дорогих наук, в особенности для главной из них в 21-м веке – биомедицины. Здесь отставание российской науки, не от западной науки в целом (об этом смешно даже говорить), но только от той ее части, которая представлена российской диаспорой, совершенно невероятное. И в этом гвоздь проблемы, то, что является главным препятствием для участия научной диаспоры в возрождении науки в России. Потому что метрополия, в лице ее «научной элиты», наотрез отказывается признать этот факт, столь очевидный всем остальным.

Результатом такого патологического расхождения со стороны «научной элиты» метрополии между самооценкой и реальностью становится все большая самоизоляция российской науки. Имеется множество признаков того, что метрополия не просто не желает опираться на могучий потенциал научной диаспоры, но все более враждебно относится к любым попыткам участия диаспоры в делах российской науки (еще раз

подчеркну, что я обсуждаю ситуацию в дорогой науке, прежде всего в биомедицине). Ярким проявлением такой крайне опасной изоляционистской тенденции я считаю создание в 2009 году двуязычного (издаваемого на английском и русском языках) журнала «Acta Naturae», посвященного вопросам биомедицины. Эта затея обречена на провал по очень простой причине: из факта крайней неразвитости биомедицины в России следует невозможность осуществить реферирование процесс в рамках российского научного сообщества. Замечу, что включение, явно в косметических целях, в редколлегию журнала нескольких зарубежных ученых, ничего не меняет. Это в еще большей степени относится как ко все еще продолжающим издаваться в России научным журналам, так и к оценке любых грантов, особенно в области биомедицины. Опять же вызывает недоумение полное отсутствие зарубежных ученых (не важно, из диаспоры или нет) в назначенном премьером Путиным Совете по большим грантам. У меня нет ни малейших сомнений, что при объявленном порядке присуждения больших грантов, вся эта затея выльется в очередное «разбазаривание» средств.

Но проблема далеко не ограничивается отторжением научной диаспоры метрополией. Имеется и встречная тенденция недоверия со стороны научной диаспоры к метрополии, в особенности в лице власти имущих. Это недоверие легко понять. Авторитарный и непрозрачный характер российской власти на всех уровнях, глубоко пронизанной коррупцией, nepотизмом и кумовством, пренебрежительное отношение всех слоев российского общества к ключевому понятию любой системы распределения средств, понятию конфликта интересов, - все это, как минимум, затрудняет, а часто делает неприемлемым для многих представителей научной диаспоры, участие в любых спонсируемых властью проектах.

Я считаю, однако, что, несмотря на серьезные проблемы, ситуация не является безнадежной, и попытки нахождения путей участия научной диаспоры в возрождении российской науки должны продолжаться. Я убежден, что только при энергичном привлечении научной диаспоры могут быть постепенно преодолены негативные тенденции в российской науке, и ситуация, как в науке, так и в научном образовании, может начать улучшаться. Что сделало бы участие в этом процессе абсолютно неприемлемым для большинства представителей научной диаспоры, это малейшие признаки государственного расизма (прежде всего государственного антисемитизма, этого самого отвратительного явления советского периода). Похоже, что подобных тенденций на системном уровне в современной России уже нет (или я не прав?). Что касается бытового расизма и ксенофобии, проявляемого отдельными лицами, то до меня доходят слухи об их наличии в научной среде, хотя я не могу судить о достоверности этих слухов. Если такие проявления действительно есть, они должны быть полностью искоренены в российском научном сообществе, как это имеет место на Западе. Опять же наша диаспора, по понятным причинам весьма чувствительная к такого рода проявлениям, может оказать важную помощь в этом деле.